

— Интересно.

Ли Чаншэн не знал Чжао Бинлия глубоко. Вчерашние двусмысленные, но лишённые сути слова, а также сегодняшний разговор — всё это было попыткой понять, чего же добивается этот человек.

На самом деле, он больше всего хотел узнать, не Жу Ляньюй ли был целью Чжао Бинлия. Судя по всему, Ли Чаншэн мог немного успокоиться.

— Ваше Высочество, четвертый принц уже открыл городские ворота.

Тень-Три возник словно из ниоткуда и опустился на колени перед Бо Сюаньчжао.

Бо Сюаньчжао встал, поправил рукава.

— Поехали.

Лошади уже были выведены. Конь Бо Сюаньчжао, с блестящей черной шерстью, стоял у ворот двора.

Ли Чаншэну казалось, что даже лошадь пошла в своего хозяина — даже фыркнуть её было с высотой праящего сословия. Да, он был недоволен Бо Сюаньчжао.

Жу Ляньюй ударил по руке Бо Сюаньчжао, который тянулся помочь ему сесть в седло, затем подошел к другой лошади, взял поводья и одним движением вскочил на неё. Широкий черный плащ описал в воздухе полную дугу и, опустившись, ровно расправился.

Бо Сюаньчжао приподнял бровь. В прошлой жизни он не видел, как Жу Ляньюй ездит верхом, и это движение подъема в седло выглядело гораздо более приятным для глаз, чем у других.

Ли Чаншэн едва удержался, чтобы не закатить глаза. Ну и что, что он легко вскочил на лошадь? Разве это такой уж сложный навык? Бо Сюаньчжао смотрел на Жу Ляньюй так, будто у него уже текла слюна.

На самом деле, выражение лица Бо Сюаньчжао было сдержанным, разве что в уголках губ играла легкая улыбка, и уж точно не было того пошлого вида, будто он собирается пускать слюни.

Когда Ли Чаншэн не любил кого-то, он не заботился о поддержании своего обычного мягкого облика, и каждое его слово было как удар ножом.

На улицах уезда Фуцзэ виднелись отряд за отрядом солдат. По форме они отличались от местных стражников уезда. Бо Сюаньсы прибыл быстро и действовал тоже стремительно.

Лошади Бо Сюаньчжао и Жу Ляньюй шли почти рядом, остальные следовали за ними. Бо Сюаньчжао следил за дорогой, но краем глаза постоянно смотрел на Жу Ляньюй. Эта лихость завораживала его.

— Смотри под ноги.

Жу Ляньюй пришлось вздохнуть, он подъел ближе к Бо Сюаньчжао и сделал устное напоминание. Затем он высоко взмахнул кнутом и сильно опустил его. Лошадь и человек рванули вперед.

Быстрое движение внезапно прекратилось. Ряд cavaleгу сзади тоже осадил лошадей и остановился. Спокойное лицо Жу Ляньюя немного помрачело, став более сосредоточенным.

— Чаншэн.

В голосе звучала тревога и сомнение. Жу Ляньюй, крепко сжимая поводья, снова высоко взмахнул кнутом и помчался вперед с еще большей скоростью.

Ли Чаншэн, ехавший в середине процессии, уже давно спрятал свой веер бог знает где. Человек, который в обычные дни выглядел как утонченный юноша, в седле держался уверенно.

— Плохо дело.

Менее чем в ста метрах впереди находился найденный храм. Сюда уже было видно, что у входа толпилось огромное количество людей. К тому же, запах стоял невыносимый, могущий поспорить с тем, что был на заброшенном кладбище позавчера.

Некоторые из людей держали в руках факелы, и при внимательном рассмотрении можно было заметить, что некоторые из толпы были мокрыми с головы до ног. Ли Чаншэн почувствовал неуверенность: он учуял запах масла, очень сильный.

У Жу Ляньюя не было силы духовного общения. Хотя он не говорил об этом посторонним, это создавало некоторые неудобства. Например, он мог только видеть, что случилось, и предполагать, что ситуация может быть неблагоприятной, но не мог заранее предсказать результат.

Он приехал в область Цаньюй, в этот уезд Фуцзэ, не из-за саранчи, которая случается раз в десять лет, и не ради этих тысяч простых людей.

Жу Ляньюй с детства знал, что не является тем, кто ставит любовь к стране и народу превыше всего. Зная о возможной саранче, он нашел бы решение. Но только те, кто был ему дорог, заставляли его думать и беспокоиться, взвешивать все за и против.

Осадив лошадь, он остановился, и даже Бо Сюаньчжао отстал от Жу Ляньюя на шаг. Жу Ляньюй крепко сжал поводья, его брови, которые на мгновение изменились, снова стали спокойными.

Факелы в толпе одновременно полетели в сторону густой толпы снаружи, быстро образуя огненное кольцо. Оно замкнуло в себе тот самый храм и людей с печальными лицами.

Прозвучал грохот, и один из углов величественного храма был снесен взрывом.

Бо Сюаньчжао прыгнул на лошадь Жу Ляньюя, сел сзади него, пару раз хлестнул кнутом и отъехал назад. Ли Чаншэн, подъехав к ним на лошади, смотрел на то место, где полыхал огонь, и ничего не говорил.

Бо Сюаньсы подъехал на лошади.

— Шестой брат, поблизости нет воды.

Выбор места был сделан расчетливым человеком, даже об этом пути к отступлению подумали заранее.

— Это место уже не спасти.

Его взгляд скользил по человеку, которого Бо Сюаньчжао держал в объятиях. Широкая шляпа уже была снята, вуаль с облачным узором? Это и есть таинственный господин Государственный наставник из Горной усадьбы Чансянь. Тот, чье лицо незнакомо — молодой хозяин Усадьбы семьи Ли в области Цаньюй.

Темно-красное пятно в уголке глаза Бо Сюаньсы в свете огня казалось зыбким. Это дело становилось всё интереснее.

Уезд Фуцзэ, находившийся в осаде больше месяца, наконец увидел солнце сквозь тучи. Бо Сюаньсы вошел в здание уездного управления. Тот высокий и худой секретарь повесился на балке главного зала, как только солдаты открыли ворота уезда Фуцзэ.

— Выбросьте.

Бо Сюаньсы поднял голову, полминуты смотрел на то лицо, которое исказилось от смерти, и только тогда отдал приказ.

На столе в главном зале лежал толстый слой пыли. Бо Сюаньсы протянул руку к деревянной гребенке судьи, но на полпути остановился и убрал руку за спину.

— Сюэ Юань, поди ты.

Темно-красное родимое пятно, которое он открыто демонстрировал, заставляло людей бояться смотреть на него. Возможно, они боялись потерять голову, но этот маленький стражник была исключением.

Сюэ Юань вышла из строя солдат, подошла к Бо Сюаньсы и сложила руки в жесте почтения.

— Слушаюсь.

Голос был грубым и хриплым, что разительно отличалось от её белого и чистого лица.

— Сожгите этот уездный управительный дом дотла.

Бо Сюаньсы внезапно изменил решение. Сказав это, он развернулся и вышел, взял поводья и уехал от уездного управления. Раз уж нельзя использовать вещь по назначению, значит, в её существовании нет необходимости.

Уголок рта Сюэ Юань дернулся. Ей правда хотелось спросить: нет ли среди принцев ни одного нормального? Один Бо Сюаньчжао ужасен, хоть и нежен с Жу Ляньюем. Этот Бо Сюаньсы всегда полон нечистой силы и непредсказуем.

Бо Сюаньсы держал кнут в одной руке, небрежно перекинув его через поводья, и позволил лошади идти самой. По обеим сторонам улицы магазины, закрытые больше месяца, снова открылись, и некоторые даже начали торговлю.

Те, кто высовивал головы, не имели на лицах радости спасения после беды, напротив — страх и безразличие. Бо Сюаньсы много раз видел такую картину: если их спасали, они считали это должным; если их бросали на произвол судьбы, они изливали самые злобные проклятия.

В конце концов, что верно: «Небесное наказание можно простить, но наказание, которое человек создает себе сам, непростительно» или «В бедных горах и злой воде живут дерзкие люди»?

— Кто знает, умрем ли мы от этого лекарства.

— Верно.

— Вдруг это именно те, кто пришел нас убить.

...

На просторном входе на рынок собралось много простых людей. Стоило лишь взглянуть на то, как женщины закатывают глаза, мужчины сплевывают на землю, а торговцы прикрывают носы и рот рукавами с вышитыми золотом узорами...

В центре толпы, окруженные кольцом стражей, которых привел Бо Сюаньчжао, стояли пять человек. Жу Ляньюй, скрытый под широким плащом, выглядел здесь довольно заметно.

— Смотрите на того в черном балахоне, тьфу ты.

Кто-то начал эту тему, и люди, которые раньше бормотали что-то свое, словно мухи, нашедшие тухлое яйцо, один за другим сменили направление.

— Это он, он погубил уезд Фуцзэ.

— Это он, это он.

— Убьем его, и в уезде Фуцзэ наступит благоденствие.

...

Судя по разговорам, каждый здесь был важнее господина Государственного наставника из Горной усадьбы Чансянь. Ли Чаншэну было смешно, он смотрел на этих столь уверенных в себе людей — это было невероятно смешно.

Иньцзы и Юань Со, стоявшие за спиной Жу Ляньюя, услышав слова этих людей, хотели выйти вперед и спорить. Но тут послышался топот — топот копыт, сначала редкий, потом все громче, — и отряд всадников издали окружил весь вход на рынок.

Бо Сюаньчжао крепко сжал поводья, глядя на уродливые физиономии. Он дернул рукой, и черный конь высоко поднял передние ноги и громко заржал.

Этот ржание заставило всех заткнуться, а их фигуры, казалось, уменьшились в размерах.

Сжав ногами бока лошади, Бо Сюаньчжао направил её в центр толпы. Там, где он проезжал, люди, которые еще секунду назад ярились, с большой скоростью отступали назад.

На всем входе на рынок воцарилась тишина, слышен был только стук копыт лошади Бо Сюаньчжао.

— Приветствую Его Высочество наследного принца.

Стражи, отвечавшие за то, чтобы сдерживать толпу, одним движением опустились на колени и поклонились.

Этот возглас пробудил толпу простых людей. Мгновенно раздался мешок звуков. Они пытались подражать поклону стражников, но в итоге получалось полная неразбериха.

<http://bllate.org/book/16724/1537794>